

УДК 94(470) «19/ 20»

Д.В. Воронин

ВЛИЯНИЕ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КУЗБАССЕ В 1990-е гг.

Рассматривается влияние реструктуризации угольной промышленности на социально-политические процессы в Кузбассе в 1990-е гг. Подчеркивается роль иностранного влияния на процесс реструктуризации. Анализируются особенности развития социально-политических процессов в Кузбассе в данный период. Исследуются различные аспекты деятельности новых форм организованного протеста – комитетов спасения: состав, отношение к нему властей, влияние феномена Тулеева на протестное движение.

Ключевые слова: угольная промышленность, социально-политические процессы, Кузбасс.

В конце XX в. в угольной отрасли страны резко обострились производственные, социально-экономические и экологические проблемы. В значительной степени они усугубились принятием в 1989–1991 гг., в условиях мощного забастовочного движения шахтеров, экономически не оправданных популистских правительственных решений. Они предусматривали резкое увеличение продолжительности отпусков, превышающих в 1,7–2,5 раза отпуска горняков в угледобывающих странах. Сократилось на 20% ежемесячное количество выходов рабочего в угольной промышленности России по сравнению с зарубежными странами.

Один из авторитетных «угольных генералов» М.И. Найдов в своих воспоминаниях отмечал: «Согласно тому «Протоколу» (подписанному партийно-правительственной комиссией и региональным забастовочным комитетом Кузбасса) из чего стала складываться заработная плата шахтера? 60% от тарифа (сначала было 40%) – ночные; 40% – за хождение от ствола до забоя и назад («копытные»); 30% – поясной коэффициент. Я толковал Слюнькову, что не надо этого делать! Я пришел на шахту, оделся в робу, пришел в забой, еще ничего не сделал, а 130% тарифа получил. За каким чертом мне работать?.. А отпуска? Это же надо, шахтер, как беременная женщина отдыхает два с половиной месяца. Разврат! Какая отрасль выдержит такое? Два с половиной месяца отдыхать, получать 130% тарифа не за... работу, а за хольбу на нее. Выборность руководителей! Это вообще идиотизм. Я его горным мастером бы не поставил, держать не стал бы и часу, а он в директора выбился» [1. С. 455]. Проблемы обострились вследствие запущенности социальной инфраструктуры шахтерских городов и поселков.

Все это свидетельствовало о том, что угольная отрасль оказалась в тисках системного социально-экономического и организационно-управленческого проведения глубоких структурных преобразований в отрасли, что стало правовой точкой в проведении реструктуризации. В ходе реализации основной задачи реструктуризации обеспечивался переход отрасли от убыточной и не-

конкурентоспособной к отрасли конкурентоспособной и работающей без бюджетных дотаций. Реструктуризацию угольной отрасли намечено было провести в короткий исторический срок. Началась она в 1992 г. Однако планомерное ее проведение начало осуществляться в 1994–1995 гг., в соответствии с разработанными «Концепцией реструктуризации российской угольной промышленности» и «Основными направлениями реструктуризации угольной промышленности в России». На заседании президиума Госсовета по проблемам угольной промышленности отмечалось: «Шахтеры – единственные, кто прошел путь рыночных реформ от начала до конца. Таких изменений не претерпела ни одна отрасль в российской экономике» [2. С. 22].

Прежде чем перейти к рассмотрению влияния реструктуризации на социально-политические процессы в Кузбассе, необходимо рассмотреть подготовку, ход и итоги реструктуризации. На процесс реструктуризации оказывалось серьезное иностранное влияние. В США была официально основана организация «Партнеры по экономической реформе» для оказания технического содействия и обучения по технике безопасности, производительности и эффективности производства в угольных бассейнах России, Украины и Казахстана [3. С. 179]. В 1989 г. руководители данной организации посетили ряд угольных регионов СССР. Летом 1991 г. группа деятелей, представляющих интересы угольной промышленности США, посетила Советский Союз. Итогом этих визитов стала разработка «угольного проекта», который в январе 1992 г. был поддержан правительством США. А в октябре 1992 г. правительство Великобритании выделило 280 млн долларов на развитие угольной промышленности России.

С принятием в январе 1993 г. Указа Президента РФ Б. Ельцина начался процесс акционирования угольной отрасли. В 1993 г. к процессу реструктуризации отрасли подключился Международный банк развития и реконструкции. За 1996–1999 гг. на структурную перестройку угольной промышленности России он предоставил займов в размере 1050 млн долларов. Одновременно МБРР выдвинул обязательные для исполнения условия, направленные в основном на закрытие шахт, разрезов и других производств, приватизацию конкретных предприятий, продажу государственных пакетов акций, а также регулирование и распределение средств государственной поддержки угольной промышленности по направлениям, включая их пропорцию [3. С. 180]. По существу, это была программа ускоренной ликвидации угольной отрасли России.

Политика и стратегия реструктуризации была созвучна большинству положений доклада Всемирного банка № 13187 RU «Российская Федерация. Перестройка угольной промышленности: люди превыше всего». Руководство банка подготовило два варианта доклада. Первый вариант доклада был обсужден в конце 1993 г. с представителями Минтопэнерго и «Росугля», а второй, с письменными отзывами и замечаниями около 25 российских ведомств, был представлен в конце 1994 г. В письме российскому правительству от 15 августа 1994 г. один из руководителей Всемирного банка писал: «Если будет принята соответствующая политика, приблизительно к 1997 г. продажа российского угля, вероятно, установится на уровне 200–250 млн т.

по сравнению с 320 млн в 1992 г. Число занятых в отрасли должно составлять около 290–340 тыс. человек вместо 760 тыс. человек в том же 1992 г.» [3. С. 181].

Политика, проводимая зарубежными государственными институтами, оценивается неоднозначно. На наш взгляд, можно говорить об их определенной заинтересованности в создании подобной ситуации в угольной промышленности. Учитывая особое место Кузбасса (80% коксующихся углей) в угольной отрасли, проведение реструктуризации в соответствии с разработанными планами наносило удар по добыче, прежде всего, коксующихся и энергетических марок углей. В свою очередь, это ставило в сложное положение другие отрасли – металлургическую, химическую и энергетическую. Между тем, в США и других странах объемы добычи угля наращивались.

По мнению депутата Госдумы Н. Останиной, «...в России сейчас два правительства (Черномырдина и Чубайса), а вернее, одно большое за океаном. Именно там и подготовили программу реструктуризации – одну большую могилу для Кузбасса» [4]. В регионе с 1993 по 1997 г. было закрыто 35 угледобывающих предприятий, а по утвержденной в 1995 г. программе на первом этапе реконструкции в Кузбассе должно было закрыться всего 14 шахт. Закрытие шахт проводилось зачастую без технико-экономического обоснования (ТЭО) ликвидационных работ. Но если ТЭО и было, то финансирование проектов все равно не превышало 18–20% от запланированного. Массовое закрытие шахт влекло за собой тяжелые социальные последствия. За период реструктуризации угольной промышленности Кузбасса произошло снижение занятых в отрасли с 342,3 тыс. человек на начало 1994 г. до 139,0 на начало 2006 г., т.е. на 203,3 тыс. человек, что составило 32% от общего снижения численности работников во всех угледобывающих регионах [5].

В наиболее сложном положении оказались шахтерские города и поселки, где шахты и разрезы были градообразующими предприятиями. До крайних пределов обострилась проблема выплаты заработной платы и регрессных исков. На ряде шахт зарплату не получали по полгода. Своеобразный «рекорд» был установлен на шахте «Кузнецкая», где она не выплачивалась на протяжении двух лет. Резкое ухудшение социально-экономического положения в угольной отрасли Кузбасса, вызванное проводимой реструктуризацией, обострило и социально-политическую обстановку в регионе. Повседневной реальностью стали различные акции протеста – митинги, забастовки, голодовка, «рельсовые войны». Шахтеры протестовали против массового закрытия шахт, требовали погашения задолженности по заработной плате. Начиная с 1992 г. в области усилилось противостояние между законодательной и исполнительной властью. На сессии облсовета было принято решение о выражении недоверия курсу реформ российского правительства и М. Кислюку, ответственному за его проведение в Кемеровской области [6. С. 8].

Следует сказать, что в общественном сознании шахтеры, как правило, рассматривались как одна из опор нового руководства страны. Этому способствовало и то, что они оказывали постоянную поддержку Б. Ельцину и его реформам и тем самым влияли на их реализацию. Об этом свидетельствуют результаты социологических исследований, проводившихся в шахтер-

ских коллективах области. Например, результаты опроса, проводившегося в конце ноября – начале декабря 1993 г. на шахте «Ягуновская» концерна «Северокузбассуголь», говорят о довольно высокой самооценке шахтеров. 34% шахтеров считали себя силой, способной влиять не только на экономику страны, но и на ее политику. Почти 34% были согласны с мнением первой группы опрошенных. Доля рабочих, отрицающих такую роль, составляла 21% [7. С. 3]. Данные опроса дают интересную картину. Только 1,7% опрошенных считали, что живут в полном достатке, в то время как 63, 8% считали, что живут от зарплаты до зарплаты, а 20,7% еле сводили концы с концами [7. С. 13]. Между тем, именно шахтерам была повышена зарплата в июне 1991 г. и в начале 1992 г. после начала радикальной экономической реформы. Молчание шахтеров в этот период можно рассматривать как своего рода благодарность за данное решение правительства и надежду на дальнейшее улучшение своего материального положения. Поэтому коллективные протестные выступления в Кузбассе в начале 1990-х гг. проводились в основном бюджетниками – учителями и медиками. В шахтерских коллективах в данный период еще сильны были позиции и влияние рабочих комитетов. Однако, встав на позиции полной поддержки реформаторов, руководители рабочкомов способствовали тому, что их влияние стало быстро снижаться. Утверждения, что бывшая партноменклатура была главной причиной обострения социально-политической обстановки, на наш взгляд, не выдерживает критики.

Во-первых, оставшаяся у власти номенклатура, сменив свои идеологические ориентиры, стала проводить линию новой власти. Об этом свидетельствует смена позиций прежней партноменклатуры: от «красных губернаторов» (А. Тулеев – наглядный пример) и до руководителей местных законодательных и исполнительных органов власти. Во-вторых, значительная ее часть была деморализована, дезориентирована и была не способна в новых условиях вести какую-либо политическую работу, а потому ушла в «тень». В-третьих, под мощным воздействием антикоммунистической пропаганды политические взгляды значительной части кузбассовцев и россиян в целом изменились на противоположные.

Анализ социально-экономической ситуации, сложившейся в ходе проводимой реструктуризации, свидетельствовал о складывании взрывоопасной обстановки. По мере продолжения реформ наблюдался рост и усиление протестных выступлений трудящихся в стране и в Кузбассе. В 1996 г. в стране бастовало уже более 8000 предприятий и организаций и 500 тыс. человек. Из общего числа бастовавших предприятий и организаций до 90% составляли средние школы, но наибольшее число участников забастовок (более 60%) были на предприятиях промышленности, прежде всего угольной (до 90%) [8. С. 21]. Происходили изменения в позиции и взглядах работников угольной промышленности. От безоговорочной поддержки радикальных экономических реформ трудящиеся в короткое время перешли к их неприятию и осознанию необходимости противодействия их продолжению. В обращении коллектива шахты «Тырганская» к трудящимся г. Прокопьевска отмечалось: «Правительство России, решая политические вопросы, ухудшает материальное положение трудящихся, которые несут на своих плечах все тяготы жиз-

ни. Надоело быть пешками в политической игре руководителей России и области» [9]. Это свидетельствовало о том, что даже шахтеры стали сознавать, что они оказались разменной монетой в политической борьбе «демократов» за власть. В рассматриваемый период основными формами борьбы были забастовки с требованиями выплатить задержанную зарплату, голодовки и даже самоубийства. Так, число последних увеличилось с 31 случая на 100 тыс. населения в 1992 г. до 41 случая в 1995 г.

В силу особенностей Кузбасса протестное движение здесь развивалось несколько иначе. В 1995–1998 гг. ситуация в Кузбассе характеризовалась проведением коллективных акций протеста. В них принимали участие представители различных отраслей, но наиболее активными были шахтеры и учителя. Наряду с экономическими требованиями выдвигались и политические. Осенью 1995 г. в Прокопьевске по инициативе теркома угольщиков прошло областное совещание представителей шахтерских коллективов. В его работе приняли участие учителя, медики, селяне. В 1996 г. ситуация в Кузбассе еще более обострилась. Получили развитие такие формы протеста: забастовки с отгрузкой и без отгрузки угля, подземные забастовки, голодовки, перекрытие железной дороги, захват зданий администраций и захват заложников из числа руководителей. Появилась новая форма организованного протеста – комитеты спасения. Это были самостоятельные органы самоуправления, которые стали претендовать на лидерство в рабочем движении Кузбасса. На конференции делегатов трудовых коллективов, жителей и представителей общественных организаций было предложено: «Первое – отставка президента и не по болезни, а по неспособности управлять страной. Второе – Чубайса отдать под суд. Третье – переименовать комитет спасения Прокопьевска в комитет спасения города и Родины. Четвертое – прокуратуре провести расследование и возбудить уголовное дело против лиц, подписавших документы о закрытии шахт». Один из делегатов заявил о том, что «возникает желание взяться за оружие» [4].

Комитеты спасения в отличие от прежних рабочкомов не стали штабами шахтерского движения. Прежде всего потому, что они отличались по своему составу. На две трети они состояли из представителей бюджетных организаций. Подобная пестрота состава, некоторая разница в интересах и проблемах не могли объединить их в прочный союз для борьбы за свои права. Деятельность комитетов проходила в иной социально-политической и экономической ситуации. Власть, СМИ, собственники были более мобильными и организованными. Шахтерские города и поселки оказались в сложной ситуации: они оказались мало подготовленными к надвигающейся зиме; многомесячные задержки зарплаты оказывали сильное деморализующее влияние. В 1997 г. протестное движение в Кузбассе достигло своего пика. 2 апреля 1997 г. произошел первый случай в постсоветской России, когда со стороны администрации объединения была применена сила против участников подземной забастовки на шахте «Центральная» в Прокопьевске.

В 1998 г. в Кузбассе и ряде других регионов наблюдался новый всплеск протестных выступлений. Последней мерой воздействия на власть стала «рельсовая война». В ней приняли участие шахтеры, рабочие промышлен-

ных предприятий Кузбасса. Участники выдвигали политические требования – отставки президента, национализации угольной отрасли. Однако если требование отставки президента и выдвигалось, то лишь как средство добиться выплаты задержанной зарплаты. Лозунги деприватизации, расширения участия рабочих в управлении производством свидетельствовали о том, что рабочие выступали против «святая святых» рыночных реформ – частной собственности. Это свидетельствовало о том, что в общественном сознании большинства россиян отрицается легитимность проведенной в стране приватизации. Однако отсутствие политической воли у руководства страны, которое неоднократно заявляло о недопустимости деприватизации, изменило положение. Постоянная перегруппировка внутри властвующей элиты способствовала систематическому переделу собственности. В Прокопьевске на угольных предприятиях уже сменилось пять собственников. Аналогичная картина наблюдается и в других отраслях Кузбасса.

В Кузбассе на развитие социально-политических процессов оказывает влияние феномен А.Г. Тулеева. Проявив себя (уже с 1989 г.) противником забастовок, находясь некоторое время в оппозиции правящему режиму, он постоянно получал поддержку в регионе. Наличие у него черт харизматического лидера позволяет ему в значительной степени сохранить свое влияние в регионе. Этому способствует и изменившаяся конъюнктура цен на мировом рынке нефти, газа и угля, что позволяет ему осуществлять некоторые меры в социальной области в регионе и, если не улучшать радикально положение социально не защищенных слоев населения, то способствовать формированию благоприятного для себя имиджа. К тому же в 1999 г. впервые существенно возросла господдержка угольной отрасли, достигнув 10 млрд рублей.

Это свидетельствует о том, что власть, в союзе с собственниками и при «беззубости» официальных профсоюзов, сумела взять под контроль протестное движение в регионе. Его развитие тормозится рядом причин: усталостью трудящихся, вызванной борьбой за выживание, потерей авторитета прежних вожakov рабочего движения. Существенным фактором слабости протестного движения является смена участников самого движения. В производственные коллективы влились те, кто не прошел школу шахтерских выступлений рубежа 80-х – 90-х и периода реструктуризации. Угроза безработицы, наличие кредитных займов оказывают сильное влияние на шахтеров и не способствуют их активности в борьбе за свои социально-экономические права. Наличие значительных групп населения, либо за чертой бедности, либо в пограничной области, так же влияет на активность работающих. Английский социолог Зигмунт Бауман отмечает: «Один только вид бедных держит обеспеченных в состоянии страха и покорности» [10. С. 147]. Отсутствие чувства солидарности мешает шахтерам добиваться успеха. Существенным фактором, мешающим развитию забастовочного движения, является действующий Трудовой кодекс РФ, который фактически запрещает забастовки без согласия работодателей.

В конфликтах труда и капитала государство часто занимает не место добросовестного арбитра, а сторону бизнеса... к подавлению акций протеста часто привлекают сотрудников ОМОН и ФСБ [11].

Несмотря на то, что протестное движение пока не получило широкого развития, все же есть основания предположить, что движение трудящихся станет более организованным, последовательным, солидарным. В октябре 2007 г. на шахтах «Южкузбассугля» состоялись забастовки на шахтах «Тагарышская» и «Есаульская», которые закончились массовыми увольнениями горняков. Руководство Кемеровской области и администрация компании «Южкузбассуголь» информацию о забастовке и увольнении рабочих пытается замолчивать [12].

Все это свидетельствует о начале процесса изживания иллюзий относительно социальной справедливости в рыночной экономике и осознания шахтерами необходимости борьбы за свои права.

Литература

1. *Лопатин Л.* Рабочее движение Кузбасса в воспоминаниях его участников и очевидцев. М., 1998.
2. *Тулеев А.Г., Мазикин В.П., Машковская Т.О.* Новая угольная стратегия России рождена в Кузбассе. Кемерово, 2002.
3. *Катальников В.Д., Кобяков А.А.* Уголь и шахтеры в Государстве Российском. Экономический и социально-исторический аспекты. М., 2004.
4. *Весь* Прокопьевск. 1997. 10–16 февр.
5. *Положение* на рынках труда шахтерских городов Кузбасса в 1994–2005 гг. Социальный раздел (ГУ «Соцуголь») // Текущий архив ПФ ТГУ.
6. *Информационный* бюллетень НПП. М., 1992. № 1.
7. *Результаты* опроса рабочих и руководителей шахт «Ягуновская» концерна «Северокузбассуголь». Кемерово, 1993. Декабрь // Текущий архив ПФ ТГУ.
8. *Рабочее* движение. Свердловск, 1998. № 1.
9. *Обращение* к трудящимся города Прокопьевска, Кузбасса // Текущий архив ПФ ТГУ.
10. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2002.
11. <http://www.nr2.ru/sibiria>
12. <http://www.nr2.ru/moskow/146172/html>